

Джозеф Конрад

Харчевня двух ведьм. Находка

*Часть сборника
Харчевня двух ведьм. Лучшие
мистические истории (сборник)*

Джозеф Конрад

Харчевня двух ведьм. Находка

«ЭКСМО»

1913

УДК 82-822
ББК 84(0)я43

Конрад Д.

Харчевня двух ведьм. Находка / Д. Конрад — «Эксмо», 1913

ISBN 978-5-699-92043-3

«...Находка попала ко мне в руки вместе с ящиком книг. Я приобрел их в Лондоне на давно исчезнувшей улице у полунищего букиниста. Книги, похоже, сменили немало хозяев и при ближайшем рассмотрении оказались недостойными даже той ничтожной суммы, которую я за них выложил. Какое-то предчувствие заставило меня сказать: «Ящик в придачу». Отчаявшийся букинист только обреченно махнул на это рукой. Дно ящика устилали разрозненные листки, исписанные мелким, аккуратным, скучным почерком. Сначала я почти не обратил на них внимания. Но потом в одном месте прочел, что в 1813 году автору исполнилось двадцать два года. Это меня заинтересовало...»

УДК 82-822
ББК 84(0)я43

ISBN 978-5-699-92043-3

© Конрад Д., 1913
© Эксмо, 1913

Содержание

Находка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Джозеф Конрад (1857–1924)

Харчевня двух ведьм

Находка

Этот случай, происшествие, эпизод – называйте как угодно – рассказан в середине прошлого века. Автору, по собственному его признанию, было в ту пору шестьдесят лет.

Шестьдесят – возраст неплохой, хотя приближение этой даты вызывает у многих самые противоречивые чувства. Это мирный возраст; игра почти доиграна, можно отойти в сторонку и возродить еще не потускневшие картины удалого прошлого. С благословения небес у шестидесятилетних нередко появляется, как я заметил, поэтический взгляд на свою молодость. От самих ошибок веет своеобразием и очарованием сотни надежд. И верно, что может быть отрадней юных надежд: они такие изысканные, такие обольстительные, правда, если можно так выразиться, не совсем одетые, им не до нарядов, того и гляди сорвутся с места. Хорошо еще, что медлительное прошлое догадалось облачиться в романтические покровы, а то оно, бедное, совсем продрогло бы под надвигающимися тучами.

Наверное, именно старческая мечтательность побудила рассказчика взяться за труд, столь же приятный для него, сколь назидательный для потомков. Приятный, но не слишком лестный, ибо суть его истории в пережитом безумном страхе – он называет его ужасом, – а такое чувство никого не красит. Я думаю, вы догадались, что история эта была записана и мне довелось ее прочесть.

Она и является той находкой, о которой извещает подзаголовок. Заглавию же рассказ обязан мне. Возможно, оно не очень оригинально, но, по крайней мере, верно. О харчевне речь впереди; что касается ведьм – это всего лишь образное выражение и, насколько оно удачно, известно только автору.

Находка попала ко мне в руки вместе с ящиком книг. Я приобрел их в Лондоне на давно исчезнувшей улице у полунищего букиниста. Книги, похоже, сменили немало хозяев и при ближайшем рассмотрении оказались недостойными даже той ничтожной суммы, которую я за них выложил. Какое-то предчувствие заставило меня сказать: «Ящик в придачу». Отчаявшийся букинист только обреченно махнул на это рукой.

Дно ящика устилали разрозненные листки, исписанные мелким, аккуратным, скучным почерком. Сначала я почти не обратил на них внимания. Но потом в одном месте прочел, что в 1813 году автору исполнилось двадцать два года. Это меня заинтересовало. В двадцать два года разум, как правило, молчит, зато воображение разыгрывается, поэтому человек в этом любопытном возрасте способен на безрассудные поступки и легко поддается страху.

В другом месте я рассеянно отметил фразу: «Вечером мы снова взяли курс на берег». Так мог сказать только моряк. «Ну-ка, посмотрим, что это такое», – без особого воодушевления решил я.

Рукопись, увы, могла нагнать тоску на кого угодно. Ее ровные, тесные строчки напоминали монотонное, заунывное пение. По сравнению с ней и доклад об очистке сахара (более нудной темы я не представляю) показался бы увлекательным. «В 1813 году мне исполнилось двадцать два года» – этим искренним признанием открывается невозмутимый, устрашающе дотошный рассказ. Не стоит, впрочем, думать, что моя находка безнадежно устарела. Древнее как мир дьявольское искусство хитроумных изобретений живо и поныне. Взять хотя бы телефоны, отнимающие крохи душевного покоя, или пулеметы, в мгновение ока лишаящие жизни. У любой подслеповатой ведьмы сегодня хватит сил нажать на спуск и, не теряя времени даром, уложить сотню двадцатилетних мужчин.

Прогресс налицо!.. Еще какой! Мы ушли далеко вперед, и не удивлюсь, если описанное изобретение покажется вам наивным, а цели персонажей бесхитростными. Это недостатки давно минувшего века. В наши дни туристы на автомобилях напрасно будут искать похожую харчевню. Та, о которой здесь говорится, находилась в Испании. Выяснить это мне удалось скорее логическим путем, поскольку многих страниц рукописи не доставало – потеря, в сущности, небольшая. На этих страницах автор, видимо, подробнейшим образом останавливался на причинах и следствиях своего пребывания на берегу – судя по всему, северном берегу Испании. К морю его история, однако, не имеет никакого отношения. Насколько я понял, наш герой служил на борту корвета, что по тем временам было явлением обычным. На всех этапах длительной Испанской кампании наши малые военные суда курсировали вдоль северного побережья полуострова – предприятие довольно рискованное и малоприятное.

Можно предполагать, что корабль его выполнял особое задание. В тексте наверняка имелись подробные объяснения всех обстоятельств дела, но, как я уже говорил, часть листов (добротных и плотных) была утрачена: использована на обертки и пыжи неблагодарными потомками. Но и из оставшегося понятно, что в задачу судна входила связь с берегом, больше того – отправка посыльных для получения новостей и передачи приказов и сведений испанским патриотам, партизанам или тайным союзам. Все это более или менее ясно следовало из уцелевших отрывков его детального отчета.

Затем следует панегирик одному из членов команды, старшему рулевому, опытному, бывалому моряку. Звали его Куба-Том, хотя он вовсе не был кубинцем, а, напротив, являл собой образец истинного британского матроса тех лет, ветерана военной службы. Таким прозвищем наградили его за пристрастие к сказочным историям, которыми он частенько донимал команду по вечерам на носовом полубаке. Все они повествовали о приключениях, перенесенных им в молодости на этом славном острове. Автор сообщает также, что Том был умным, очень сильным и по-настоящему храбрым матросом. Он не забывает упомянуть и о его изумительной косичке, самой длинной и толстой в британском флоте. Это нежно лелеемое украшение, упрятанное в чехол из китовой шкуры, покоилось на его широкой спине, вызывая восхищение у многих и зависть у некоторых.

Наш юный офицер необыкновенно тепло описывает многочисленные достоинства Тома. Подобные чувства по отношению к младшему чину не были тогда исключением. Новичков обычно отдавали на попечение опытному матросу, который подвешивал для будущего командира первый гамак, а затем нередко становился его почтительным другом. Попав на корвет, рассказчик снова, после долгой разлуки, увидел своего приятеля. С трогательной нежностью описывает он встречу с наставником юных лет.

Далее мы узнаем, что за неимением подходящего испанца Тома, как обладателя уникальной косы, а также как человека незаурядной смелости и осмотрительности, отрядили для очередной вылазки на берег. Собирался он недолго. Пасмурным осенним утром корвет вошел в небольшую бухту, самую удобную на этом неприступном берегу. С корабля спустили шлюпку, Том Корбин (Куба-Том) устроился на носу, рассказчик (мистер Эдгар Берн – такое имя он получил при рождении, с таковым его и отпели) занял место на кормовом люке.

Жители деревушки, расположенной ярдах в ста по склону глубокого оврага, вышли из серых каменных домов и с берега наблюдали за приближением лодки. Когда оба англичанина высадились, крестьяне то ли от растерянности, то ли по природной дикости молча отступили назад.

Мистер Берн решил лично проследить за отправлением Тома. Оглядев мрачные, удивленные лица крестьян, он сказал:

– От них толку мало. Надо подняться в деревню. Там наверняка найдется трактир, где народ поразговорчивей и можно будет кое-что разузнать.

– Так точно, сэр, – ответил Том, вышагивая за своим командиром. – С людьми никогда не помешает потолковать. Как-то стояли мы на Кубе, и я по нечаянности опоздал на «Бланш», наш фрегат. Пришлось идти пешком. И что вы думаете: прошел всю Кубу – язык довел, хотя по-испански я тогда и двух слов не мог связать, сейчас и то лучше разумею.

Как видно, предстоящее путешествие нисколько не удручало Тома. И хотя дорога в горы занимала не меньше дня, для человека, пересекавшего Кубу с багажом из двух испанских слов, это был, конечно, сущий пустяк.

Теперь офицер и матрос шли по толстому, сырому настилу из опавших листьев, которые местные крестьяне оставляли гнить на улицах до зимы, а потом собирали на удобрение. Оглянувшись, мистер Берн обнаружил, что все мужское население бесшумно следует за ними по упругому ковру. Женщины выглядывали из дверей; дети, видимо, прятались. Корабль стал для местных жителей привычным зрелищем, а вот чужестранцы не высаживались здесь по крайней мере лет сто. Треуголка мистера Берна, густые бакенбарды и чудовищная косица матроса вызывали у них немалое изумление. Они теснились за спиной у англичан и таращились на них, как гавайцы на капитана Кука.

Именно тогда Берн заметил впервые маленького человечка в плаще и желтой шляпе. Его головной убор, изрядно поношенный и грязный, тем не менее сразу привлекал к нему внимание.

Вход в трактир напоминал расщелину в скале. Хозяин, в отличие от остальных, не вышел на улицу, он появился из глубины комнаты, где в темноте неясно виднелись висевшие на гвоздях пузатые бурдюки с вином. На худом и небритом лице этого высокого одноглазого астурийца застыло угрюмое выражение, которое странным образом уживалось с бегающим взглядом единственного глаза. Узнав, что английского моряка нужно проводить в горы к некоему Гонсалесу, он на минуту, как бы в раздумье, прикрыл здоровый глаз. Потом открыл его и живо произнес:

– Конечно, конечно. Это можно устроить.

Имя Гонсалеса, местного вождя освободительного движения, вызвало в дверях одобрителный гул. Берн поинтересовался, спокойно ли в округе, и, к радости своей, узнал, что французские войска уже несколько месяцев не появлялись поблизости. Слава богу, давно и слыхом не слыхивали об окаянных *polizones*¹. Отвечая, хозяин перелил вино в глиняный кувшин, поставил его перед безбожниками-англичанами и бесстрастно опустил в карман мелочь, которую офицер кинул на стол, – по неписаному закону этих мест сидеть в трактире без вина не полагалось. Глаз трактирщика бегал, будто старался работать за двоих, но, когда Берн захотел нанять мула на дорогу, взгляд его застыл на двери, осаждаемой толпой любопытных. Впереди всех, на пороге, обосновался коротышка в широком плаще и желтой шляпе. Маленький, невзрачный, настоящий гомункулус, как описывает его Берн, он сохранял до смешного таинственный и настойчивый вид. Плащ, картинно перекинутый через левое плечо, прикрывал рот и подбородок, а широкополая шляпа криво свисала на угловатый лоб. Время от времени коротышка подносил к носу щепотку табаку.

– Мул... – повторил трактирщик, пристально глядя на забавного, шмыгающего носом человечка. – Нет, сеньор офицер! Мула в этом нищем селении вам не найти.

Рулевой, который, как настоящий моряк, держался в незнакомом месте с полной невозмутимостью, спокойно заметил:

– Поверьте, сэр, эту дорогу лучше проделать на своих двоих. Мула все равно пришлось бы где-нибудь оставить; капитан предупреждал меня, что здешние тропинки пригодны только для коз.

¹ Бродягах (*исп.*). //

Крошечный человечек выступил вперед и произнес сквозь складки плаща, смягчавшие, казалось, сарказм его слов:

– Si², сеньор. Народ в этой деревне простодушен и не сберег ни одного мула для вашей милости. Клянусь, и мулы, и другая скотина остались теперь только у мошенников и ловкачей. Вашему bravому матросу нужен проводник, и в этом, сеньор, никто не поможет лучше, чем мой зять Бернардино, трактирщик и алькальд нашей гостеприимной и богобоязненной деревни.

Делать было нечего, пишет мистер Берн. После коротких переговоров явился парень в рваной куртке и штанах из козьей шкуры. Офицер поставил на всех угощение, и, пока крестьяне пили, они с Куба-Томом и проводником тронулись в путь. Человечек в плаще исчез.

Берн проводил рулевого до края деревни. Он хотел убедиться, что с моряком все в порядке, и пошел бы дальше, но тот почтительно посоветовал ему вернуться и не задерживать корабль у берега без нужды в такое ненастное утро. Они простились; мрачное грозное небо нависло над их головами, каменистые поля, поросшие густым кустарником, тоскливо простирались вокруг.

– Через четыре дня, – сказал Берн напоследок, – корабль вернется и, если не будет штормить, вышлет на берег шлюпку. Ну а в случае непогоды устройся как-нибудь в деревне и жди от нас вестей.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Том и быстро зашагал вперед.

² Да (исп.). //

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.